

ЛУННАЯ ГОЛОВА ГОГОЛЯ

(пьеса наших дней)

«Только чрез Иерусалим желаю я возвратиться в
Россию».

Из письма Николая Васильевича Гоголя –
Надежде Николаевне
Шереметевой.

Январь 1843
года.

Действующие лица:

АВТОР, репатриант из России, 64-х лет.

МАРК, резервист израильской армии, журналист, 45 лет.

ВИЛЯ, резервист израильской армии, литературовед, 50 лет.

МУСТАФА, потомственный смотритель Гробницы, 55 лет, в бежевой хламиде.

ХОМА, 30 лет, потусторонний пришелец в черной хламиде, отсеченная кисть
правой руки подвешена на поясе.

ДАУД, 40 лет, расхититель гробниц, в белом одеянии.

ЮНЫЕ ТАНЦОВЩИЦЫ.

МОЛОДЫЕ ОХОТНИКИ.

Монолог автора

Гробница библейских патриархов Махпела воздвигнута царем Иродом за
четыре года до нашей эры. Из того же иерусалимского камня, что и Стена Плача.
Ни износа ей, ни забвения.

Хеврон... Махпела... Вечность...

В зале Исаака и Ревеки – там, где молятся на коврах и голом полу арабы и
евреи, – зацементированный лаз в подземелье. Над ним – жерлом допотопной
пушки – медная труба. Встань перед ней на колени, ложись лицом на
высверленные отверстия, и острым блеском костей мигнет дно пещеры. Но если

не повезет в первую секунду, то сколько потом ни вглядывайся, не будет никакого вознаграждения утомленным глазам – мгла, едва уловимое смещение контуров и затхлое дуновение древних пергаментов.

Что это? Запах иссохшей человеческой плоти?

Смотритель Гробницы Мустафа говорит: это язык мертвых. Мертвые, поясняет мистически настроенный араб, разговаривают с живыми на языке запахов.

Но можно ли верить Мустафе?

Иностранным туристам он втолковывал: арабская нация самая древняя в мире, а учение Мухаммеда, пророка Аллаха, породило иудаизм и христианство.

Мустафа продает у входа в гробницу библейских патриархов и пророков, где – по преданию – нашли последнее земное прибежище также Адам и Ева, украшения из дешевого белого металла. Подслеповатым его глазам они почему-то представляются серебряными изделиями из сокровищницы царя Давида... или Соломона.... или Ирода... или Понтия Пилата – в зависимости от образовательного ценза и антикварных изысков экскурсантов.

Можно ли верить Мустафе?

Французский еврей Давид, переписчик Торы, приносит к центральным воротам гробницы книгу «Зогар» и читает стоящим на посту сорокалетним солдатам-резервистам любопытный абзац о грядущем воскресении покойников.

«И восстанут из праха»... Поясняет: у каждого в затылочной части головы, у основания черепа, имеется некая косточка, которую даже мельничному жернову не перемолоть в муку. Вот из нее-то и произрастет человек после смерти.

Бородатые резервисты – доктора наук, технари, журналисты – вспоминают о геной инженерии, стойкости костной ткани, антропологических портретах профессора Герасимова.

К ним, источающим запасы эрудиции, активно жестикулирующим, присоединяется гладко выбритый усатенький патруль в составе таксиста, продавца фруктов с рынка Кармель и директора школы для трудновоспитуемых подростков.

И геной инженерия подвергается сомнению. А антропологические портреты профессора Герасимова – осмеянию.

Можно ли верить Давиду?

Хеврон – один из четырех святых городов Израиля. Здесь всегда жили евреи. Сегодня они живут неподалеку от Хеврона – в Кирьят-Арбе, за железными воротами, охраняемые солдатом.

Арабские дома сходят по кругу с горных уступов к Кирьят-Арбе, втискивают ее в металлическое кольцо из заборов и колючей проволоки. Выйдешь за предел без оружия – нож в спину. Выйдешь с оружием – камень.

...Шестнадцатилетний юноша Йоси Твито вышел за предел очерченного круга. Тяжелое ранение. Больница. Намеривался починить велосипед в Хевроне, теперь чинят его самого.

Через несколько дней студент религиозного училища Юваль Дерех, омывая собственной кровью мостовую, догреб чуть ли не вслепую до армейского поста. Бородатый русский репатриант Гриша оказал ему первую помощь. Затем оттянул затвор скорострельной американской винтовки М-16. Прозвучали выстрелы. И над мечетями вспорхнули жирные голуби. Лениво шевельнули крыльями. И вновь под карниз, в тень, подальше от нарождающегося солнца. Туда, где их пожирают змеи, охочие до белого голубиного мяса. Как змеи взбираются на немыслимую верхотуру, нацеленную из средневековья в космос? Смотрители гробницы Адама и Евы, одетые в кремовую форму цвета иерусалимского камня, не говорят. Однако каждую пойманную гадюку запускают с лукавой улыбкой в бутылку из-под кока-колы и выставляют в общем зале, у своих вымытых перед молитвой ступней.

Хеврон, когда не закапываться глубоко в историю, «знаменит» еврейским погромом 1929 года, вспыхнувшим тотчас, как главный муфтий Иерусалима Аль-Хусейни, впоследствии друг Гитлера, заявил, что евреи хотят отобрать у арабов «мусульманскую святыню» – Стену Плача.

23 августа сразу же после пятничной молитвы арабы Хеврона вооружились палками и набросились на евреев, попадавших им по дороге. Затем направились в йешиву – религиозное училище, где застали всего одного ученика, и на месте растерзали его.

Представители еврейской общины обратились к английской администрации за помощью. Однако им посоветовали запереться и тихо сидеть дома.

Убедившись в том, что британские власти не окажут евреям никакой поддержки, арабы уже на следующий день, рано утром в субботу, двинулись к их домам.

Теперь их вооружение составляли не только палки и камни. В ход пошли ножи и сабли.

Налетчики никого не щадили. Зверски убито и смертельно ранено было 67 человек. Среди них и самые именитые горожане: директор банка Авраам Слоним, дававший погромщикам ссуды на выгодных условиях, аптекарь Бен-Цион Гершон, лечивший прежде своих убийц, их детей и престарелых родителей. Эти

евреи, как и многие другие, в том числе изнасилованные девочки и женщины, были изрублены на куски.

Исторической справедливости ради следует отметить, что почти семьдесят мусульман из двадцатитысячного арабского населения города не поддались общей ненависти и вакханалии. Они спасли от неминуемой гибели около трехсот человек, укрыв их у себя дома.

Выжившие евреи – теперь глубокие старики. Их дома, окружающие гробницу праотцев, ныне принадлежат арабам, тоже старикам, выгуливающим коз и баранов в городском парке, между Махпелой и синагогой, в ста метрах от священных залов, куда – босиком и вымыв ноги.

Представление первое

На квадратной площадке самой высокой башни Гробницы праотцев, за каменной оградой, два резервиста в армейской форме, вооруженные американскими автоматами М-16, попеременно изучают звездное небо в бинокль.

Под ними, на стене башни, массивные часы. Год – 2009, месяц – апрель, число – 1, время – 00. 01.

МАРК,

опускает бинокль: И все-таки она вертится.

ВИЛЯ: Кто?

МАРК: Сенсация.

ВИЛЯ: На небе?

МАРК: На луне.

ВИЛЯ: Инопланетяне?

МАРК,

передает бинокль: Посмотри сам, увидишь.

ВИЛЯ: Конкретнее...

МАРК: В правой стороне. Там, где какое-то, хрен его знает, песчаное море. И вулкан...

ВИЛЯ: Действующий?

МАРК: Какой – действующий? Луна, братец! Полное тебе безвоздушное пространство.

ВИЛЯ: Ну? Не темни!

МАРК: Там... лицо. Точно говорю, Гоголя. Медальная отливка, в профиль, будто с обложки книги.

Виля присмотрелся – увидел. Увидел и кивнул. Кивнул и протянул руку за флягой. Сделал глоток, помассировал нос о рукав гимнастерки, резко выдохнул.

ВИЛЯ: Хорошо пошла.

МАРК: Коньяк в тебе всегда хорошо ходит.

ВИЛЯ: Выдержанный, вот и ходит... так сказать, степенно. Водка без выдержки, ну и лупит поэтому по мозгам сразу.

Резервисты отпили еще коньяка из фляжки, и опять поочередно прильнули к окулярам оптического прибора.

ВИЛЯ: Здравствуйте вам: Гоголь собственной персоной пожаловал на вечную спутницу Земли.

МАРК: Зачем?

Виля пожал плечами:

ВИЛЯ: Наверное, так отмечают день рождения на том свете.

МАРК: Иди!

ВИЛЯ: Тогда... Тогда в знак напоминания о...

МАРК: Не пугай. Ты о том, что голова его была украдена из Гроба?

ВИЛЯ: При перезахоронении.

МАРК: Бр-р!

Сделал вид, что мурашки побежали по его телу.

ВИЛЯ: Вот-вот. Ты – бр-р! А Николай Васильевич... скажем так, по-научному: вовсе лишен сейчас речевого аппарата для воспроизводства даже таких примитивных звуков.

МАРК,

продолжает дурачиться: Что же из всей этой мистической хреномудрии вытанцовывается?

ВИЛЯ: Вытанцовывается самое простое, что приходит на ум.

МАРК,

перебивает: По согласованию с логикой потустороннего мира?

ВИЛЯ: Посуди сам.

МАРК: Я сужу...

Отхлебнул из фляжки.

Виля усмехнулся, будто подловил на слове.

ВИЛЯ: Не суди, и судим не будешь!

МАРК: Ладно тебе!

ВИЛЯ: На мой взгляд, и это именно согласуется с логикой потустороннего мира, Николай Васильевич напоминает таким образом... Кому? Всем тем, кто вышел из его шинели, об отрезанной от туловища голове. Словом, о подлом воровстве напоминает он детям Ехидны, то бишь... да-да, ты угадал... людям И может быть, выставив на Луне свою голову, требует ее возврата у неблагодарных потомков.

МАРК: Без бутылки не разобраться в твоих построениях.

Отхлебнул из фляги.

ВИЛЯ: По предположениям Владимира Германовича...

МАРК: Кого?

ВИЛЯ: Лидина.

МАРК: Из Литинститута?

ВИЛЯ: Его самого! Я был в его семинаре... Так вот, в 1931 году он, наш профессор, наряду с Катаевым присутствовал при вскрытии могилы Гоголя.

МАРК: Кстати, Виля, я читал, что Катаев прихватил с собой на кладбище ножницы и вырезал из полы гоголевского сюртука кусок ткани.

ВИЛЯ: Знаешь, зачем?

МАРК: Догадываюсь. Чтобы пустить материю на переплет «Мертвых душ», той книги из первого издания, что хранилась в его библиотеке.

ВИЛЯ: Лидин тоже получил кусок ткани для обложки.

МАРК: И это он вам рассказывал?

ВИЛЯ: Факт истории! Столь же неоспоримый, как и пропажа черепа Гоголя.

МАРК: Они и свистнули, наши письменники?

ВИЛЯ: За ними Сталин приглядывал – не разгуляешься. А то и косточки растащили бы по своим коллекциям. Череп стырили раньше, еще в 1909-ом. Поговаривают, постарался один из монахов. Из тех, кто вскрывали тогда, при перезахоронении, могилу.

МАРК: Имя известно?

ВИЛЯ: В анналах истории имеется намек. На некоего Хому, названного так в честь бурсака, что тягался с Виём.

МАРК: Иди – проверь сегодня.

ВИЛЯ: Принимаю, не проверишь. Да и в секрете все это. Но доподлинно ведомо: стыбрили череп по наводке Алексея Бахрушина.

МАРК,

недоверчиво: Основателя Театрального музея?

ВИЛЯ: И мецената, каких поискать!

МАРК: Велика Россия, но отступать некуда...

ВИЛЯ: Не веришь?

МАРК: Пытаюсь...

ВИЛЯ: В этом случае принимай цитату из моей диссертации. Вот послушай, что пишет профессор Литинститута Лидин: «В Бахрушинском театральном музее в Москве имеются три неизвестно кому принадлежащие черепа: один из них, по предположению, – череп артиста Щепкина, другой – Гоголя, о третьем – ничего не известно».

МАРК: Это не доказательство, Виля.

ВИЛЯ: Тебе бы – в следователи!

МАРК: Мне и в журналистах хорошо

ВИЛЯ: Тогда – специально для «разбойника пера» – еще одна цитата из Лидина. «Перенесение праха Гоголя».

МАРК: Статья?

ВИЛЯ: Мемуар.

МАРК: Хорошо. Выкладывай, чему тебя учили в Литинституте.

ВИЛЯ: Лидиным сказано так: «могилу Гоголя вскрывали почти целый день. Она оказалась на значительно большей глубине, чем обычные захоронения. Начав её раскапывать, натолкнулись на кирпичный склеп

необычайной прочности, но замурованного отверстия в нём не обнаружили; тогда стали раскапывать в поперечном направлении с таким расчетом, чтобы раскопка приходилась на восток (т. е. именно головой к востоку, по православному обряду, должен был быть предан земле покойник), и только к вечеру был обнаружен еще боковой придел склепа, через который в основной склеп и был в своё время вдвинут гроб.

Работа по вскрытию склепа затянулась, и начинались уже сумерки, когда могила была, наконец, вскрыта. Верхние доски гроба прогнили, но боковые с сохранившейся фольгой, металлическими углами и ручками и частично уцелевшим голубовато-лиловым позументом, были целы. Вот что представлял собой прах Гоголя: черепа в гробу не оказалось, и останки Гоголя начинались с шейных позвонков: весь остов скелета был заключён в хорошо сохранившийся сюртук табачного цвета; под сюртуком уцелело даже бельё с костяными пуговицами.

...Я позволил себе взять кусок сюртука Гоголя, который впоследствии искусный переплётчик вделал в футляр первого издания «Мёртвых душ»; книга в футляре с этой реликвией находится в моей библиотеке».

Марк вскинул фляжку, будто собрался чокнуться с Луной.

На смотровую площадку поднялся смотритель Гробницы праотцев Мустафа.

МУСТАФА,

Марку: Я за тобой. Спускайся. Нам ночью дежурить у склепа Иосифа.

МАРК: По метрике – отца Иисуса Христа?

МУСТАФА: В метрику не заглядывал.

МАРК: Тогда загляни на небо.

Протянул бинокль.

МУСТАФА: Чего я там не видел?

МАРК: Смотри – смотри! Там в правой части, рядом с горой, голова человека. Видишь?

МУСТАФА,

с интересом в голосе: Человека вижу. А кто это?

МАРК: Русский писатель – Гоголь.

МУСТАФА: Живой?
 МАРК: Поди, живой.
 МУСТАФА: Нашего возраста?
 МАРК,
 смеясь: Дядя, ему сегодня ровно двести лет стукнуло!
 МУСТАФА,
 не сдерживает эмоций: Это же скуп!
 ВИЛЯ,
 переводит на русский: Сенсация.
 МУСТАФА,
 увлеченно: Мы позвоним в газету «Маарив» и продадим скуп за
 десять тысяч баксов.
 МАРК: Но прежде давай позвоним нашим командирам,
 вдруг это не скуп, а военная тайна.
 МУСТАФА,
 предостерегающе поднял палец: Не звони!
 МАРК: Чего так, Мустафа?
 МУСТАФА: Украдут!
 МАРК,
 подмигивая Виле: Луну?
 МУСТАФА,
 убежденно: Скуп украдут! Наши десять тысяч долларов! Пять
 моих и пять ваших – хеци-хеци.
 ВИЛЯ,
 хмыкает в кулак: Хорошо считает, стервец. Половина на половину
 МАРК: Мои бабки все равно на пропой нашей братии.

Покрутил ручку телефона-вертушки.

МАРК: Алло-алло! Старшина? Ян Гальперин? Дай мне майора Пини. Что? Ушел на боковую? А у нас тут сенсация! Где? На Луне – матушке! Не хочешь сам посмотреть? Что? Нет, американцы там еще десант не высадили. Кто? Русские-русские. Да-да, наши.

ГОЛОС ЯНА ГАЛЬПЕРИНА,
 песенный речетатив: И на Марсе будут яблони цвести.

МАРК: В данный момент на Луне. И не яблони. А Гоголь. Да-да, собственной персоной. Выставлен на Луне, как на обложке книги. Нет, не весь целиком. Только голова, в профиль. Гоголь! Тебе – что? – по буквам?

ГОЛОС ЯНА ГАЛЬПЕРИНА: Гоголь-моголь! Пить меньше надо!

ВИЛЯ,

в трубку: Автор «Мертвых душ» и «Ревизора». Не веришь?

ГОЛОС ЯНА ГАЛЬПЕРИНА: Отчего же, доктор литературных наук. Из-за его «Тараса Бульбы» меня в школе жидом Янкелем дразнили.

ВИЛЯ: Приходи – посмотришь.

ГОЛОС ЯНА ГАЛЬПЕРИНА,

намекающий, что резервистам надо бы проспаться: Солдат – спит, служба – идет.

ВИЛЯ: Гоголь! Никакого подвоха, моя гарантия!

ГОЛОС ЯНА ГАЛЬПЕРИНА,

отозвался скрипучим смехом: Может быть, вам прислать министра обороны?

ВИЛЯ,

скептически хмыкнул: Во все времена одно и то же. Фантастический реализм обречен на непонимание. Вот поэтому Гоголь и сжег второй том «Мертвых душ».

МАРК: Сегодня доказывают, что не сжег.

ВИЛЯ: Сжег – не сжег... не там мозгу доишь. Давняя, еще прижизненная проблема Гоголя в ином. Для евреев он антисемит, для русских – русофоб, для украинцев – перебежчик-кацап. А для всех вместе – гений словесности. Он же чувствовал себя испачканным в нечистотах жизни и поэтому стремился в Иерусалим. Не было ему места иного на Земле, лишь у нас, здесь, у Гроба Господня, у Стены плача, в Гробнице праотцев Махпеле, он мог отмыться от грязи житейской. И вернуться в Россию очищенным, преображенным, с просветленной душой. «Только чрез Иерусалим желаю я возвратиться в Россию», - писал он в январе 1843 года Надежде Николаевне Шереметевой. А еще – «У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там на месте почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия».

Представление второе

Металлические двери с табличкой «Иосиф». За ней – саркофаг. На скамейке у каменной стены, сидят Мустафа, держа подле себя прозрачную бутылку от кока-колы с пойманной змеей, и Марк, автомат у него между ног, на коленях фонарик и фляжка.

МАРК: Не знаешь, сколько натикало?
 МУСТАФА: На наших всегда вечность.
 МАРК: Однако мне не вечность здесь с тобой хорошеется.

Отвернул рукав гимнастерки.

МУСТАФА: Время ваше – деньги наши. Поглядел?
 МАРК: Полпервого ночи. Для чертей – пора забав, а для человек – самое надежное время для первого захода на женщину. У тебя сколько жен?

МУСТАФА: Четыре.

МАРК: И как ты успеваешь до утра?

МУСТАФА,
 напрягся, поспешно перебирая четки на коленях: Погляди!

МАРК,
 опешив: Бля!

МУСТАФА,
 вздохнув: Началось...

В Гробнице праотцев Махпеле появился странный свет, явно неземного происхождения. Он шел наискосок от главного входа к внутреннему залу, и остановился, колеблясь, у металлических дверей с табличкой «Иосиф».

Змее пришествие потустороннего духа было не по нраву. Она угрожающе зашипела на дне бутылки.

Наблюдая за приятельницей-гадюкой, Мустафа воспринял себя толмачом.

МУСТАФА: Она говорит...

МАРК,
 недопонимая: Кто?

МУСТАФА: Змея!

МАРК: Почему – она?

МУСТАФА: Потому что беременна.
 МАРК,
 дернул головой: Что?
 МУСТАФА: Не «что», а «кому». Она говорит: «Закройте глаза!»
 МАРК: Я на службе.
 МУСТАФА: Она говорит: «Превращения не будет, если не закроете глаза».
 МАРК,
 удивленно: Какого превращения?
 МУСТАФА,
 назидательно: Превращения! «Какого» – она не говорит.

Из бутылки послышалось: Сами увидите!

Марк протер глаза: не заснул ли? Помигал себе в лицо походным фонариком, чтобы полностью придти в себя. Немного успокоился, глотнул из фляжки. И не заметил, как клюнул носом в плечо Мустафы.

МУСТАФА: Достаточно. Превращение произошло. Можешь открывать глаза.

У металлических дверей в гробницу Иосифа, официального отца Иисуса Христа, выявился человек в поповском облачении – хламиде до пят, в усах и бороде, и крестится-крестится.

МАРК,
 поднимается следом за Мустафой с лавочки: Документы!
 ХОМА: Нема!

Он разводит руками, и тут Марк примечает: правая рука у него укороченная, вернее, отсечена по кисть, из рукава не виднеется, а висит, подобием кобуры от «маузера» над левой коленкой, привязанная к поясному ремню веревкой.

МАРК: Как ты сюда вошел, если все закрыто и везде солдатские патрули?
 ХОМА: Неисповедимы пути Господни...
 МАРК: Имя?

ХОМА: Кличут Хома.
 МАРК: Ого! О тебе сейчас пишут и пишут.
 ХОМА: Да ну?
 МАРК: Без «ну»! Все израильские газеты сейчас заполнены статьями о противоракетной системе «Хома». В переводе с иврита это - «Крепостная стена».

ХОМА: Я в переводе не нуждаюсь. И живу не по-газетному, а поголеовски.

МАРК: Может, тогда разъяснишь, почему Гоголь назвал своего книжного Хому на израильский лад? Иврит изучал?

ХОМА: Шастал в Иерусалим – вот и изучал.
 МАРК: А ты?
 ХОМА: И я в семинарии.
 МАРК: Бурсак?
 ХОМА: Богослов.
 МАРК: Отчего же выглядишь, как дикарь?
 ХОМА: Это, сдаётся мне, о руке изувеченной интересуетесь?
 МАРК: Носишь, как амулет...
 ХОМА: Извиняюсь за показ усеченной длани, но, посудите сами, мне без нее – никак. Она свидетельница.

МАРК, наступательно: Чего?
 ХОМА: Неблагодетивого моего поступка.
 МУСТАФА, вмешивается: Ага! На том свете, значит, наши – арабские – порядки.
 ХОМА, поправляя: Божьи!
 МУСТАФА: Вот и я говорю – Божьи, значит, наши, арабские. За воровство руку отрубают.

ХОМА: И дьявольские, если вы об отсечении небагодетивой моей длани.

МАРК: Воровал?
 ХОМА: Не воровал я на том свете!
 МАРК: А на этом?
 ХОМА: На этом довелось.
 МАРК: При жизни?

ХОМА: После смерти не воруют.
 МАРК: А наказывают?
 ХОМА: Ох, Господи! Нас и при жизни наказывали. Присловье наше бурсачье. «Кожа – наша, воля – ваша: розги казенные, люди наемные – дерите, сколько хотите».
 МАРК,
 приструнивая автоматом: Ну-ну! Мы тут без телесных извращений. Докладывай – чей будешь и зачем в охраняемые объекты по ночам шастаешь?
 ХОМА: Возвеселится пьяница о склянице и уповаet на нее.
 МАРК: Юмор?
 ХОМА: Прокимен, глас девятый.
 МАРК: Не понял.
 ХОМА: В оригинале: «Возвеселится праведник о Господе и уповаet на Него».
 МАРК: Понял.

Откупорил фляжку с коньяком.

ХОМА: Благодарствую. Выпьем за помин души раба Божия Николая сына Васильича, рожденного с полного согласия родителей именно сегодня, 1 апреля, в День смеха, но двести лет назад, когда наша планета была еще для веселия мало оборудована, и этот праздник именовался иначе – День дурака.
 МАРК: Аминь и лехаим!

Припав к фляжке, Хома отвернулся от гневного взгляда непьющего Мустафы.
 Через минуту, набравшись алкоголя до первой стадии нетрезвости, обратился к Марку.

ХОМА: Почему водку не держишь? Не уважаешь? А здесь русский дух. Здесь Русью пахнет.
 МАРК: Это от нашего Русского батальона разит. Но и он сейчас переходит целиком на коньяк. И пахнет уже еврейским духом.
 МУСТАФА,
 поспешно: А вся Махпела – арабским.
 ХОМА: От вашего интернационала у меня уже голова кружится.
 МАРК,

придерживает Хому за локоть: Стоп-стоп! Не отваливай на тот свет, ты нам еще и на этом пригодишься.

ХОМА: Затем и пожаловал.
 МАРК: Тогда развязывай язык, а то молчишь в тряпочку.
 ХОМА: Я – то молчу?
 МАРК: А кто?
 ХОМА: Наливай!

Марк протянул ему фляжку.
 Хома протер губы о рукав хламиды и пригубил.

МАРК,
 любопытствуя: Хорошо пошла?
 ХОМА: Хорошо. Кабы каждый день ходила.
 МАРК: На каждый день не напасешься. А сегодня...
 ХОМА: Что – сегодня?
 МАРК: Сегодня День смеха, вот мы полночные меха и раздуваем.
 Дыхнуть?
 ХОМА: Дыхнешь попозже. А сейчас растолкуй: какого смеха? Нашенского? Сквозь слезы?
 МАРК: Какой получится.
 ХОМА: Ба, проговорился, хлопец, хотя вслух ни на грамм правды не сказал...
 МАРК: О чем это ты?
 ХОМА: А о том, что твои предки именно так, смеха ради, мой народ в корчмах спаивали.
 МАРК: Мои предки – жестянщики и кузнецы. Твоему народу в Одессе доспехи ковали, чтобы там, - показал на сердце, - или здесь, - показал на ширинку, - не поранили. Либо вражьей стрелой, либо острым взглядом заморской панночки.
 ХОМА: Коньяк твой тоже из Одессы?
 МАРК: Из Тель-Авива!
 ХОМА,
 запальчиво: В этом разе не касайся классики, не тобой писанной, нехристь!

Фляжку Хома тут же спрятал за спину, боясь, что отберут.

Но фляжку у него не отобрали. Марк пожалел поддатого инвалида. Посмотрел на него, как пьет, как чмокает от удовольствия принятия, и заинтересованно – не гипсовая ли? – коснулся отсеченной руки, свисающей у левого бедра вместо «маузера». Мертвые пальцы живо сомкнулись в кулак, и кисть Марка оказалась в капкане. Дерг-дерг – ни в какую: привязан к руке, рука к витому из веревки пояску, поясок к бурсаку Хоме, а Хома к фляжке.

МУСТАФА,
удовлетворенно: Попался! Говорил же: «началось», а веры нет – так ходи
теперь на привязи. Куда он – туда ты.

МАРК,

испуганно:

А куда он?

МУСТАФА:

В таргарары. И тебя утянет.

МАРК:

Брось дурака валять!

МУСТАФА,

с деланным удивлением: В День дурака?

МАРК:

Высвободи!

МУСТАФА:

Это никак не получится.

МАРК:

А если заплачу?

МУСТАФА:

Меньше, чем за полста шекелей...

МАРК,

приоткрыл свободной рукой вход в карман: Выгребай!

Сунулся Мустафа в карман воинских шаровар, а вынуть ее не может: будто его там невидимой змейкой защелкнуло.

ХОМА,

с ехидцей в голосе: Теперь вы ко мне приклеены, как банный лист к
известному месту.

МУСТАФА,

дергаясь:

Я на службе!

ХОМА:

И я! Где ключи?

МУСТАФА:

Какие ключи?

ХОМА:

От входа.

МУСТАФА:

Ты уже вошел.

ХОМА: Открывай дверь, и веди вниз.
 МУСТАФА: Посторонним запрещено!
 ХОМА: Я не посторонний, Мустафа! Я здесь уже был, с твоим дедушкой Мусой хаживал в подземелье.
 МУСТАФА: Так ты тот Хома из 1909 года?
 ХОМА: Хошь – потрогай, если зенкам не доверяешь.
 МУСТАФА: Дед о тебе сказывал. Череп российский, сказывал, привез на хранение, дабы он жизненной энергией предка нашего Ибрагима подзарядился. Так это ты?
 ХОМА: Честь имею!
 МУСТАФА: А деньги?
 ХОМА: Какие деньги?
 МУСТАФА: За провода по замогильному лабиринту!
 ХОМА: Сначала верните череп, потом и о деньгах потолкуем.
 МУСТАФА: Есть в наличии?

Хома поплескал фляжкой, и – странное дело – она откликнулась не ритмичным движением алкогольной жидкости, а звоном монет.

МУСТАФА: Ого! Чем богата твоя лампа Алладина?
 ХОМА: Червонцами царской чеканки, нехристь ты басурманская! Открывай двери, дядя. Веди!
 МУСТАФА: А не обманешь?
 ХОМА: Такого обманешь!
 МУСТАФА: Где гарантии?

Хома опять побренчал фляжкой и дал Мустафе одним глазом взглянуть на золотые надежды.

Мустафа взглянул. И уверовал. Уверовал и дверь открыл. Затем нашарил потайной рычажок под напольной плиткой. Опустил его с усилием в приметный паз, и каменное надгробье повернулось на оси, открыв винтовую лестницу.

МУСТАФА,
 повелительно: Идем!

И они, притертые один к другому, пошли.

Представление третье

Спиральная лестница. Дно пещеры. Слышится попискивание летучих мышей, хлопанье крыльев и шершавые шаги людей, осторожно спускающихся по ступеням.

ХОМА: Не обмишурься – не спотыкнись!

МАРК,

ворчит: Сначала завел в тартарары, потом предупреждает.

ХОМА: Лучше позже, чем никогда.

МАРК: С такими заверениями можно и не заметить, как окажешься на том свете.

МУСТАФА,

укоризненно: Умейте жить и на том свете.

МАРК: Спасибочки! Тебя на том свете ждут 72 девственницы. Блаженствуй себе в их объятьях. А нам...

ХОМА,

хмуро: На том свете нечем заниматься детопроизводством.

Инструментария нет.

МАРК: Ладно тебе! Не расстраивай человека. Не лишай его при жизни мечты о гареме.

МУСТАФА: Глупцы! Что вы понимаете в земном блаженстве? А уж о небесном я и вовсе вас не спрашиваю.

МАРК,

возмущенно: Но Хома именно оттуда! С того света! И нет, говорит, там инструментария для детопроизводства.

МУСТАФА: Не кради! А украдешь, останешься без руки, а то и без прочего инструментария. И будешь даже в раю испытывать танталовы муки: глаза – обладают, а тело немощно.

МАРК: Мудрец!

МУСТАФА: Мысль дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за содеянное по недомыслию.

МАРК: Что-то знакомое, Мустафа. Не учился ли ты, случаем, в Московском университете имени Лумумбы?

МУСТАФА: Я учился у древних пергаментов. На заветах шейха Ибрагима...

МАРК,
поспешно: Авраама!

МУСТАФА,
не переча: Сына его Исы...

МАРК: Исаака!

МУСТАФА,
продолжая: Царя Дауда...

МАРК: Царя Давида!

МУСТАФА: Учился я...

МАРК: И я...

ХОМА: И я тоже...

МАРК: Один алфавит, выходит, осваивали, а говорим на разных языках. И друг друга не пойдем.

МУСТАФА: Поэтому ты с винтовкой, а я с четками.

МАРК: И со змеей.

МУСТАФА: Она в бутылке, не кусается.

МАРК: Красиво говоришь. С такими речами тебе, Мустафа, в ООН выступать. Все тебя поймут и поаплодируют. А на меня из-за ношения огнестрельного оружия в святом городе Хевроне наложат штраф. И никому дела нет до того, что если я отложу оружие в сторону, вы тут погром 1929 года опять повторите. А я? Что я? Говори им о том хоть до стенки.

Марк постучал костяшками пальцев о каменную кладку подземелья.

Хома, первый в связке, оглянулся с нижней ступеньки лестницы.

ХОМА

нравоучительно: Гляжу я на тебя, чадо мое, и вспоминаю давнюю историю из моей босяцкой бурсы. Лишили нас в виде наказания вечернего чая. И что же мы сделали? Запротестовали на первой же литургии. Каким образом? Символическим. Во время пения Символа Веры, который оканчивается словами – «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века», мы громко выдали – «чаю!» и затаили паузу. Спрашиваете, каков итог нашего святотатства? Отвечаю. Начальство мигом отменило наказание – во избежание дальнейших кощунственных выходов.

МАРК: А мне что прикажешь делать?
 ХОМА: Я не приказываю. Я напоминаю: желаешь улучшить представление о себе в чужих глазах, прикинься сначала идиотом.
 МАРК: Проще, Хома!
 ХОМА: Проще только мощи...

Хома не договорил. Каленая стрела просвистела в воздухе, воткнулась в расщелину между камней.

Марк нажал кнопку электрического фонаря, прикрепленного к поясу. В круге света возник укутанный в белую накидку бородатый охотник, вынимающий из колчана вторую стрелу.

МАРК,
 повернув голову к Мустафе: Кто это?
 МУСТАФА: Расхитители гробниц!
 МАРК: Как?
 МУСТАФА: Так! Были бы гробницы, а грабители сами появятся. Здесь они никогда и не переводились.
 МАРК: Что будем делать?
 МУСТАФА: Вы – помалкивать, а я говорить. Иначе отрежут языки и уши, если примут за чужаков.
 МАРК: Конкурентов?
 МУСТАФА: Им виднее.
 МАРК: А нам?
 МУСТАФА: Когда им будет виднее, нам уже видеть вообще не придется. Так что молчи и господину попу русскому передай, чтобы не гукал, как с того света, пока не разрешат. Говорить буду я.
 МАРК: Излагай.

Охотник поджидал путников у основания винтовой лестницы, держа наизготовку лук с натянутой тетивой.

ДАУД: Чьи будете?
 МУСТАФА: Потомки Хевронского шейха Ибрагима, откупившего эту пещеру у Ефрона Хеттеянина за четыреста сиклей серебра.
 ДАУД,

повеселев: Брат!
МУСТАФА: От брата и слышу!
ДАУД: Тогда поговорим. Я шейх Дауд. А ты кто, брат?
МУСТАФА: Мустафа, потомственный смотритель Гробницы патриархов.
ДАУД: Кому служишь, Мустафа?
МУСТАФА: Я не поклоняюсь тому, чему поклоняешься ты. А ты не должен поклоняться тому, чему поклоняюсь я.
ДАУД: Коран?
МУСТАФА: Да, так написано в Коране о веротерпимости.
ДАУД: Верую и принимаю. Зачем пожаловал?
МУСТАФА,
Указал на Хому: Этот иноверец православного племени привел, ему и ведомо.
ДАУД: Отрубим неверному нечестивцу голову и украсим наш шатер, чтобы не водил людей, куда не повадно.
МУСТАФА: Скоропалительное решение, уважаемый шейх Дауд! Сначала выслушаем, потом отрубим.
ДАУД,
повелительно: Пусть раскроет рот и говорит!

Мустафа толкнул Марка, Марк толкнул Хому.

МАРК: Говори! Тебя слушают!
ХОМА: Господа мои разлюбезные! Повелители жизни и смерти людской! Я ниспослан к вам из потусторонних миров, влекомый токмо искуплением собственных грехов. По велению свыше надлежит мне изыскать нетленный череп, доставленный сюда на побывку мною же, живым и невредимым, в далеком по меркам земным 1909 году, ровно сто лет назад. И вернуть его туловищу, дабы накопленная здесь целительная энергия земной и потусторонней жизни Авраама – Исаака – Иакова вошла в него и возродила заново.
ДАУД: Чей череп ищем?
ХОМА: Гоголя.
ДАУД: Отличительные знаки?
ХОМА: Нос.

ДАУД,
 удивленно: Какой у черепа нос?
 ХОМА: А треугольник от большого носа? Чай, и он не
 маленький.
 ДАУД: Понятно. Чем платить будешь?
 ХОМА,
 потряс фляжкой, превратившей волшебным образом плеск алкогольного
 напитка в золотой звон: Этим!
 ДАУД: Деньги вперед!

Хома прихватил зубами колпачок фляжки, отвинтил ее. И золотые монеты, стуча по ступенькам, скатились к ногам расхитителя гробниц.

Представление четвертое

В шатре, при свете коптящих факелов, девушки развлекали гостей из верхнего мира танцем живота. Молодые охотники с оголенными торсами ритмично стучали по кожаному покрытию барабанов.

Хома выразительно цокал языком и брэнчал золотоносной фляжкой, вызывая у азиатских скво прилив вдохновения.

Оголенные до самого-самого, они зазывно – жестами и телодвижением – выманивали пришельцев на циновки, разбросанные по разные углы их вигвама.

Но им, связанным воедино, не разорвать невидимую нить, не разделиться, не выбрать себе подружку.

МАРК –

Хоме, деля попытку вырваться: Может, отцепишься?

ХОМА: Плодиться и размножаться не возбраняется. Но тебе, чадо мое разлюбезное, как я посмотрю на тебя, трахаться захотелось.

МАРК: А тебе – что? Молиться?

ХОМА: Дьяволицы!

МАРК: Сам дурак!

ХОМА: Из-за излишества любопытства, дарованного свыше их женской натуре, изгнали человека из рая.

МАРК: Кем даровано, тем и обнаружено. Свидетелей нет. А тебя изгнали за воровство.

ХОМА: Выдумки зачумленного сознания!

МАРК: Версия Мустафы. Разве забыл?

ХОМА: Мели Емеля!

МАРК: Освободи!

ХОМА,
рассудительно: Свободу просьбами не выкомаривают.

Через секунду Хома вскрикнул как ужаленный. Но не от боли вскрикнул, от испуга. И схватил свободной рукой обрубок своей кисти, свисающий у пояса. Затряс им, смахивая на пол вцепившуюся в него змею.

Обрубок кисти, напитанный ядом, распух и посинел. Пальцы разжались. Марк высвободился. Мустафа тоже. Он вытащил руку из кармана Марка, не забыв прихватить пятьдесят обещанных шекелей и, хитро улыбаясь, крутанул пустую бутылку из-под кока-колы по полу, затем поманил пальцем одну из девиц. Она защелкала кастаньетами и плавно заскользила по кругу. Остановилась у входа и резко подняла полог, впуская шейха Дауда, выкатившего на центр шатра три пожелтевших от времени черепа.

ДАУД: Товар 1909 года. Но деньги вперед.

Хома плеснул из фляжки монетами. Прелестницы-танцовщицы побежали за ними, опередив Мустафу. Догнали, собрали и в одно касание, будто червонцы были на клею, разместили их у себя на груди.

Тут первый раз прокричал петух.

ДАУД,
предупредительно: Не опоздайте!

Хома поспешил к черепам.

Ладонью отрубленной руки он провел по закаменелому лбу одного из черепов, прочел молитву, и сунул обрубок в рукав хламиды, но ничего не произошло.

ХОМА,

тревожно:

Не прирастает длань! Не прирастает!

МУСТАФА,

пряча за щеку укатившийся в сторону золотой червонец:

Рука одна, а черепов три. Уворованное добро

само к отсеченной длани пристанет.

Третий череп, с разительной дырой над расщелиной рта, словно прилип к ладони Хома. Бурсак торопливо, как бы наперегонки со вторым криком петуха, сунул обрубок кисти в рукав хламиды. И – о чудо! - он встал на свое законное место, там, где родился некогда, будто и не разлучался никогда с любимым телом.

ХОМА,

ликуя:

Нашел!

Но дальше началось невообразимое. Хома стал распухать и корчиться в конвульсиях, словно всему телу переданся змеиный яд из приросшего обрубка кисти. С третьим криком петуха он растворился в воздухе, будто его и не было.

После этого земля закачалась, точно вот-вот грядет землетрясение.

Марк нагнулся за оброненной Хомой фляжкой. Вознамерился было побренчать золотыми червонцами, но куда там: она снова доилась молочком из-под бешеной коровки, будто не претерпела прежде никаких превращений в Клондаик. И Марк, испытывая досаду, сделал изрядный глоток.

Мустафа толкнул его в спину.

МУСТАФА: Не увлекайся! Уснешь! А тебе еще дежурить и дежурить со мной в Гробнице.

Монолог автора

В 1290 году сейсмические волны ядерной мощности прокатились по этим местам. Гробница праотцев, балансируя на поверхности земли, все же устояла, как и положено канатоходцу вечности. Крепостные стены почти не пострадали от землетрясения. Но каменная мозаика полов, возведенных искусными мастерами

над пещерой необъятных размеров, пошла трещинами и рухнула в бездну, потревожив дремлющие кости.

Впервые с библейских времен открылось человеку дно Махпелы, купленной Авраамом за четыреста сиклей серебра у Ефрона Хеттеянина для погребения Сарры. «После сего Авраам похоронил Сарру, жену свою, в пещере поля в Махпеле, против Мамре, что ныне Хеврон, в земле Ханаанской», - сказано в Библии.

Затем и он обрел здесь вечный покой, и сын его Исаак, и сын его сына Иаков. И жены потомков его Ревека и Лия.

А потом началось паломничество мертвецов.

Усопшие первопроходцы неиссякаемого и жизнестойкого человеческого семени геологическими пластами накладывались на кости прочих паломников, памятуя, что с приходом Мессии им, вслед за предшественниками на Масличной горе, подниматься из тлена и снова вочеловечиться. «А над ними витал дух Адама и Евы, основоположников этого массового захоронения, - говорит потомственный смотритель Гробницы Мустафа. - Витал и указывал каждому на первоочередность возрождения».

Вскоре после землетрясения 1290 года местные умельцы настелили над пещерой новые полы. Прочные, из тесаного камня. И века пошли их шлифовать – до вытертости зеркальной, пока не разразилась Шестидневная война.

Силой распрямленной пружины кинуло израильские войска в Хеврон, к пещере Авраама, недоступной для обозрения во все годы иорданского владычества. Евреев не пускали в Гробницу. Они не имели права подняться выше седьмой ступеньки у главного входа. И центральные ворота были для них закрыты. Внизу, под ними, в дальней части здания, у стены, на специально выделенном для «иноверцев» месте молились евреи. Зацементированная площадка, размером пять на восемь метров: вот и все их жизненное пространство, огрызок святого Аврамова надела. Сказано: «И стало поле Ефроново, которое при Махпеле, против Мамре, поле и пещера, которая при нем, и все деревья, которые на поле, во всех пределах его вокруг, владением Аврамовым пред очами сынов Хетта, всех входящих во врата города его».

Шестидневная война, наконец, раскрыла перед евреями внутреннее убранство древней Гробницы. В зале Исаака и Ребеки глазам изумленных солдат открылся лаз в пещеру. При свете свечей следили они за бегом фосфорных огоньков по белым костям скелетов, горам черепов, внимали удивительным речам аборигенов-аксакалов. Они утверждали, что сюда для «пропитания духом возрождения из

праха» тайно свозили останки людей, мечтающих подняться к новой жизни в одночасье с приходом Мессии. Подняться вместе с основателями трех главенствующих в мире религий – иудаизма, христианства, мусульманства – Авраамом, Исааком, Иаковым.

Моше Даян, в кулуарах называемый начальником генерального штаба израильской археологии, первым спустился на дно древнего склепа. То, что он там увидел, так и осталось тайной за семью печатями. Но увидел нечто такое, непостижимое, должно быть, для ума современного человека, что тут же был отдан приказ: зацементировать лаз в подземелье, никого не пускать и... никого не выпускать.

Над входным отверстием поставили медную трубу с гвоздевыми дырочками. Обзора никакого, но смотреть не возбраняется.

Смотрите, люди добрые, авось, что и увидите.

Но вряд ли увидите то, что довелось увидеть Моше Даяну.

И вряд ли осознаете то, что довелось осознать ему.

Что – конкретно?

Ответа не существует. Но слухами Святая земля полнится. Самый настойчивый гласит: смерти для упокоенных в Махпеле нет. Они обживают подземные пространства, превращают их в оазисы и время от времени выходят на поверхность, бродят дозором по залам Авраама – Исаака – Иакова, пугая слабонервных и впечатлительных.

Вот и проторчи без коньячной подпитки ночь напролет между духом Адама и Каина. В опасной близости от Евы, еще не знакомой с десятью заповедями. Поблизости от Авраама, готового принести в жертву своего сына, и женой его Саррой, которая, согласно поверью, и в сто своих нержавеющей лет выглядела, как семилетняя девочка.

Проторчи в такой компании – попробуй! Умом тронешься. Черт те знает, что мерещиться будет. А тут еще ночь на первое апреля, самое время для жутких, днем рождения Гоголя вызванных розыгрышей. И – на тебе, ровно полпервого ночи – вспыхивает странный свет, явно неземного происхождения. Он идет наискосок от главного входа к внутреннему залу, и останавливается, колеблясь, у металлических дверей с табличкой «Иосиф».

Неподалеку от него на скамейке, у каменной стены, сидят Мустафа, держа подле себя прозрачную бутылку от кока-колы с пойманной змеей, и Марк, автомат у него между ног, на коленях фонарик и фляжка.

МУСТАФА,
напрягся, поспешно перебирая четки на коленях: Погляди!
МАРК,
опешив: Бля!
МУСТАФА,
вздохнув: Началось...

И поспешно вынимает из-за щеки золотой червонец, знакомой российской чеканки...

Иерусалим – Хеврон – Гробница праотцев Махпела